

Хенрике Шталь / Екатерина Евграшкина (Трир)

Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика

В настоящий сборник вошли статьи по итогам двух международных конференций: «Основы: теория лирического субъекта в контексте новейшей поэзии» (2-6 ноября 2015 г., Трирский университет) и «Типы субъекта и способы его репрезентации в новейшей поэзии (1990–2015 гг.)» (11-13 июля 2016 г., Институт языкознания и Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН).¹ В конференциях приняли участие более 50 лингвистов и литературоведов из России, Германии, Италии, Нидерландов, Японии и США. Конференции были проведены в рамках трехлетнего немецко-российского проекта «Типология субъекта в русской поэзии 1990–2010-х гг.» (с 2015 по 2018 гг.),² осуществленного при поддержке Немецкого научно-исследовательского сообщества (DFG) и Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Большинство участников проекта сотрудничают с кафедрой славистики Трирского университета уже с 2010 г., а на сегодняшний день входят в коллегияу Центра продвинутых исследований «Русскоязычная поэзия в транзите» при Трирском университете³, также финансируемого ННИС (DFG). Отдельные статьи данного сборника написаны при поддержке этого Центра.

О положении современной русской поэзии

После крушения Советского союза и основания Российской Федерации русская литература прошла этап бурного развития, как в количественном, так и качественном отношении, что позволяет говорить о ее новом расцвете в 1990 гг. Возникло множество различных художественных форм во всех литературных жанрах, характерной стала трансформация самих границ и функций родов литературы. Изменения в литературном пространстве, обусловленные, с одной стороны, социальными и экономическими

¹ Ряд статей этих конференций вошел в спецномер журнала „Russian literature“ под названием «Формы субъекта в новейшей русской поэзии». Номер в печати и должен выйти в 2019 г.

² Информация о проекте, программы конференций, фотоархив: www.lyrisches-subjekt-slavistik.uni-trier.de.

³ См. информацию о Центре на сайте: www.lyrik-in-transition.uni-trier.de.

последствиями, а с другой – новыми общественно-политическими задачами 2000-х гг., связанными с расширением возможностей благодаря развитию новых медийных средств и дигитализации всех сфер жизни, требуют пересмотра существующего теоретического и методологического инструментария гуманитарных наук, и в частности – филологии⁴. Поле литературы было подвержено сильным изменениям: вместо государственных литературных организаций образовалась литературная сцена с установкой, с одной стороны, на внутрилитературные, а с другой – на рыночные факторы, что привело к созданию новых функциональных связей литературы с обществом⁵, которые продолжали развиваться и трансформироваться с новой силой начиная с рубежа нового тысячелетия, как показывает, например, возникновение в поэзии эстетических дискурсивных стратегий в целях политической партиципации⁶.

В степени своего расцвета поэтические жанры не уступают эпическим, легче адаптирующимся к экономическим принципам новой эпохи, несмотря ни на финансовые проблемы, ни на общеотмеченную потерю «широкого» (массового) читателя⁷. За последние восемнадцать лет поэзия вышла из ниши и все более уверенно находит свой путь к молодому поколению и даже неинтеллектуальным слоям общества. Количество поэтов-непрофессионалов исчисляется тысячами; сайты поэзии и поэтри-слэмы, как и весь литературный ландшафт с широким спектром поэтических мероприятий, таких как чтения, конкурсы, фестивали, а также различные возможности для свободной, бесплатной или дешевой публикации в печатной или цифровой формах образуют платформы, в том числе и независимые от столичных центров поэзии, в качестве которых все еще выступают, как и раньше, Москва и Санкт-Петербург.⁸ Ввиду этого развития российская литературная сцена создала стратегии профилирования и канонизации, которые при помощи рейтингов, присуждений премий, отбора публикаций важными литературными инстанциями, а также активной литературной

⁴ Ср.: «Мы обсуждаем причины, почему то или иное явление, тот или иной автор, даже будучи популярными, могут оказаться за пределами изучения, „beyond the limits of scholarship“. Одна из важнейших причин заключается в том, что для интерпретации новых явлений буквально нет слов – нет терминологического и концептуального аппарата. Эти лакуны на деле приводят и к замалчиванию ярких авторов или произведений, и – в других случаях – к закреплению неверной терминологии. Сегодня, для того чтобы ввести значительную часть новейшей литературы в поле аналитики (не обязательно академической), требуется пересмотр нашего терминологического и методологического аппарата» (Кукулин 2008).

⁵ См. более подробно: Menzel (2001).

⁶ См. Майофис (2004); Корчагин (2012, 2013).

⁷ См. Menzel (2000).

⁸ Обзор новейшей поэзии дают следующие интернет-источники: <http://www.rvb.ru/np/index.htm>, <http://www.vavilon.ru/>, <http://www.litkarta.ru/> и др.

критикой и научными исследованиями влияют на позиционирование автора в литературном пространстве, что в целом характерно и для поэзии. Селективным стратегиям противостоят мероприятия по культивированию широкого литературного многообразия, нацеленные, насколько это возможно, на отказ от нормативных критериев отбора. Неслучайно в связи с этим в русской литературной практике последних лет важна дискуссия о литературном каноне и теории поля, ставшая значимым предметом рефлексии в отечественной и зарубежной русистике. Другими актуальными темами дискуссий в русистике и славистике являются различные подходы к методологии истории литературы, нацеленные на развитие адекватных методов описания специфики литературного процесса с 1930 г. и его влияния на литературную ситуацию со времен Перестройки и по сегодняшний день. При этом проявляется тенденция к дифференцированному рассмотрению истории литературы по родам, что обусловлено высокой степенью ее сложности.⁹

В общей истории современной литературы (со середины 1980-х гг.) поэзии – по примеру более ранних эпох – изначально была отведена маргинальная позиция: по сравнению с другими родами она в значительно меньшей степени принимается во внимание, и особенно это касается современной поэзии, говорить о которой часто предоставляется исключительно литературной критике. Русское литературоведение посвящает себя изучению современной поэзии в лице лишь немногих исследователей – несмотря на то, что на сегодняшний день она достигла такого уровня развития, который по части широты и многообразия поэтического спектра по сравнению с предыдущими эпохами истории русской литературы может быть охарактеризован как уникальный и беспрецедентный.¹⁰ В самой России поэзией занимаются прежде всего лингвисты. Это объясняется тем, что для современной русской поэзии характерна сверхсложная и многосторонняя работа с языком и многоязычием, а в русской лингвистике сохранилась живая традиция изучения поэзии и современной литературы в духе формализма и структурализма. В других странах также найдется сравнительно немного филологов, занимающихся русской современной поэзией, однако они, в отличие от российских исследователей, в основном литературоведы.

Принимая во внимание спектр упомянутых выше проблем и лагун, новейшие исследования ориентируются на историю литературы, обусловленную спецификой конкретного литературного рода и одновременно на-

⁹ См. об этом подходе: Шталь / Рутц (2013), Рутц (2013). См. также проект по проблеме канона: „Reconfiguring the Canon of Twentieth Century Russian Poetry, 1991-2008“ (2010-2013): <http://humanities.exeter.ac.uk/modernlanguages/russian/research/russianpoetrycanon/>.

¹⁰ Подробный обзор исследований по данной теме был сделан нами во введениях к сборникам материалов конференций ННИС о современной русской поэзии 2010 и 2013 гг.: Шталь / Рутц (2013), Шталь / Рутц (ред., 2013); Stahl / Korte (2016), Stahl / Korte (2016, Hgg.).

правленную на поиск трансжанровых перспектив исследования в теории и литературоведческой практике. В последние восемь лет сложилось поле исследования современной поэзии, принимающее во внимание как предшествующую историю литературы советского времени и Перестройки, так и другие роды литературы. Мы непосредственно участвовали в формировании этого поля исследования, организовав в 2010 и 2013 гг. две конференции, финансируемые ННИС,¹¹ благодаря которым возникло международное научное сообщество по изучению современной поэзии, включившее также германистов и, в последнее время, специалистов по другим литературам. На этом сотрудничестве базируется и составляющий основу данной книги проект о типологии субъекта, реализуемый кафедрой славистики Трирского университета вместе с Институтом языкознания РАН и его Центром лингвистических исследований мировой поэзии. В настоящее время совместная работа сосредоточена в Центре исследований «Русскоязычная поэзия в транзите», финансируемом ННИС и поставившем себе целью развитие систематического подхода к описанию современной поэзии путем сравнительного анализа различных литератур Европы, Азии и Америки.¹²

Современная русская литература в целом и поэзия в частности характеризуются высокой степенью сложности и разнородности. В 1990-е гг. авторы и читатели как бы параллельно жили в пространстве частично изолированных, частично пересекающихся, но в основном конфликтующих «литератур». Этот раскол демонстрирует дальнейшее развитие литературной ситуации советского времени, когда возникли две параллельные и лишь точно соприкасающиеся друг с другом «истории» русской литературы с 1930 г.: официальная vs. неофициальная / неподцензурная литература.¹³ Обе эти «литературы» располагали собственным пантеоном классиков, характерным жанровым спектром, алгоритмом взаимодействия с другими литературами и т.д. С Перестройкой на российскую литературную сцену вышла и литература русского зарубежья, т.е. эмигрантская литература; также усилилось внимание и к литературе других стран – в особенности Европы, Азии и Америки. На рубеже тысячелетий заявили о себе влияние на поэзию новых медиа, а также все более осязаемая на сегодняшний день транскультурная¹⁴ ее ориентация.

¹¹ STA 1010/4 (Publikation: Шталь / Рутц (ред.) 2013); STA 1010/5-1 (Stahl / Korte (Hgg.) 2016). См. также хронику конференции: Евграшкина (2014).

¹² См. более подробно сайт: <https://lyrik-in-transition.uni-trier.de/>

¹³ Кукулин (2010).

¹⁴ О понятии транскультурной литературы: Пjassova-Morger (2009). Понятие «транскультуральность» („Transkulturalität“) относится к гибридным культурным образованиям или процессам трансформации (Binder et al. 2016), в то время как «интеркультуральность» („Interkulturalität“) подразумевает дистанцирование и диалог, а гиперкультуральность („Hyperkulturalität“) – освобождение от иерархически кодируемых форм пространства, времени и идентичности (Han 2005).

В 1990-е гг. и на рубеже веков отдельные «истории» литературы обнаруживали тесную связь с проблемой поколений; сегодня данная проблема постепенно утрачивает свою актуальность, поскольку молодые авторы одновременно могут примыкать к различным более ранним традициям, так что многообразие стилей письма примерно с рубежа веков можно охарактеризовать скорее посредством концепта «одновременность неодновременного», нежели посредством констатации поколенческого и социального расчленения.¹⁵ Существуют единичные и находящиеся в постоянной трансформации стили письма, которые способствуют рассмотрению литературных групп как в первую очередь социального феномена вне связи с эстетикой.¹⁶ Такая ситуация значительно затрудняет обзор поэзии с начала 1990-х гг.¹⁷

Помимо этого, исследование стоит перед той проблемой, что для обзора недостаточно имеющихся на данный момент фундаментальных работ по отдельным авторским поэтикам, в то время как отдельным анализам не хватает контекстуализации и выявления более глубоких взаимосвязей. По сравнению с филологическими дисциплинами по другим языкам и литературам русистика обнаруживает и относительно явный дефицит развития теории и методологии, что касается прежде всего концептов лирики и поэзии.

Целью работ, составляющих данный сборник, является изучение освещенного выше круга проблем путем фокусированного обзора эстетического многообразия поэтического поля. Поскольку при актуальной литературной ситуации невозможно использовать в качестве упорядочивающего принципа для организации исследования границы между так называемыми группами и течениями, предлагается осуществить более глубокий анализ

¹⁵ Данный тезис был предложен Ильей Кукулиным на вышеупомянутой конференции ННИС в 2013 г.; в своем докладе он применил понятие «неодновременности» („Ungleichzeitigkeit“) Эрнста Блоха для описания развития литературного процесса, см. Kukulin (2016). См. также: «Применительно к современной русской поэзии точнее будет говорить не о направлениях, но об эстетических тенденциях, которые по-разному взаимодействуют в творчестве разных авторов» (Кукулин 2010).

¹⁶ Ср. Давыдов (2017). Существуют проекты образования поэтических сообществ, например, по поколенческому или региональному принципам, или декларируется некоторая общая тенденция, которая лишь благодаря самой декларации может привести к образованию группы или направления (ср. «[...] само предшествование декларации осознанию некоторой общности – вопреки распространенному заблуждению – явление чрезвычайно распространенное [...]»; Давыдов 2017). Примером объявления тенденции с последующим образованием группировки являлась Московская концептуальная школа (МКШ) (см. там же: «[...] МКШ была сконструирована в отчасти декларативном, отчасти аналитическом тексте Бориса Гройса „Московский романтический концептуализм“ [...]»), а пример направления, объединившего поэтов с радикально разными поэтиками – так называемый «новый эпос» (термин Федора Сваровского для характеристики «эпизированной» поэзии 2000-х гг.). Об этом «манифесте» в журнале РЕЦ 2007 г. с декларативным отбором авторов и стихотворений на сайте rolutona.ru см.: Кукулин (2008).

¹⁷ Rutz (2011).

отдельных репрезентативных произведений посредством некоей общей и наиболее показательной для сравнения категории. В ходе обеих упомянутых конференций 2010 и 2013 гг. была доказана целесообразность типологического подхода, поднимающего вопрос об эстетических парадигмах по ту сторону социолитературного поля.¹⁸ Чтобы достичь наиболее высокой степени сопоставимости, в данном сборнике было решено сфокусировать внимание на одной избранной категории, с помощью которой могла бы быть разработана типология форм ее проявления. Такой показательной категорией был избран «субъект», поскольку, являясь фундаментальным понятием, он позволяет исследовать общее поле современной поэзии и функциональность ее отношения к миру и обществу, снова ставшую особо значимой начиная с рубежа веков.

О лирике и поэзии

«Лирика» относится к ряду тех проблематичных понятий, определение которых является непреходящей задачей теории литературы. Множатся попытки уклониться от «минимального определения» („Minimaldefinition“) лирики как «монологической речи в стихах» („Einzelrede in Versen“) ¹⁹, которое, безусловно, мало подходит для современной поэзии. Обусловленным «спектрами признаков» („Merkmalsbündeln“), расплывчатым, но при этом принимающим во внимание специфику культур и эпох абстрактным моделям ²⁰ противостоят трансисторические и акультурные подходы, определяющие лирику как перформативную фикцию и «трансисторический» концепт в рамках учения о прототипах ²¹ или как саморефлективный языковой конструкт в рамках «метатеории» („Display sprachlicher Medialität“ [дисплей языковой медиальности], „Katalysator ästhetischer Evidenz“ [катализатор эстетической очевидности]) ²², либо же в качестве анахронизма возводящие ее к магическим практикам ²³. Однако современная лирика породила формы, которые невозможно охватить ни с помощью некоего абстрактного «спектра признаков» из более ранних эпох, ни посредством соотнесения с неким (кажущимся) трансисторическим прототипом. Нередко такие тексты, как, например, лишенные субъекта или говорящего коллажи из обрывков речи и цитат, тексты без характерных для лирики формальных элементов (от рифмы до маркированных стилевых средств) и тем не менее названные

¹⁸ Ср.: Шталь / Рутц (2013), Stahl / Korte (2016).

¹⁹ Lamping (1989, S. 63); Völker (1997, S. 167).

²⁰ Ср. списки критериев в работах: Wolf (2005), Klotz (2011).

²¹ Hempfer (2014, S. 10).

²² Zymner (2009; 2013, S. 7).

²³ Schlaffer (2012). Ср. с обзором новейших теорий лирики с XVIII в.: Zymner (2011).

«стихотворениями», тексты, нивелирующие границы с другими классическими родами литературы, и т.д., тем не менее предъявляются автором как безусловно лирические или поэтические. Определения лирики и лирического субъекта, характерные для более ранних эпох, таким образом, не могут быть безоговорочно перенесены на тексты XX и тем более XXI веков.

Подход, принимающий во внимание взаимодействие авторского (само-)определения и рецепции репродуцируемой либо же трансформированной нормы²⁴ со стороны автора и читателей, напротив, способствует адекватному восприятию транзиторных форм современной поэзии. Он позволяет описать формы, функции и процессы, не исключая заранее некоторого множества текстов на аксиологическом основании. В связи с этим настоящий сборник подводит к более широкому пониманию лирики, а в статьях предпочитается говорить о «поэзии» (текстах в стиховой форме) или более обобщенно о «поэтических текстах». Соглашаясь с П. Хюном и Ю. Шёнертом²⁵, мы исходим из предположения, что роды литературы представляют собой исторически сложившиеся и культурно обусловленные формы, изменения признаков и функций которых можно описать, не предполагая некоего трансисторического или метатеоретического концепта. Все тексты названного периода времени, маркированные – за счет места публикации, авторского определения или других сигналов для рецепции – как лирические или поэтические, служат, таким образом, объектом нашего исследования. Интересующий нас временной период охватывает поэзию с 1991 года, причем неотъемлемую часть исследования составляет ретроспективное обращение к предшествующей истории поэзии. Этот год следует понимать как приблизительное обозначение рубежа, который обусловлен исторической вехой развала СССР и принятием Конституции Российской Федерации.

Субъект в поэзии

Как в абстрактных моделях, так и в функциональных и эссенциалистских подходах с начала осмысления понятия рода лирический субъект рассматривается в качестве основополагающего или даже важнейшего конститутивного элемента. П. Хюн и Ю. Шёнерт²⁶ указывают на то, что конвенциональное утверждение о стихотворении как «медиуме для само-артикуляции и само-конструирования говорящего» восходит уже к античности. Во времена усиленной рефлексии категории литературных родов – особенно в эпоху Ренессанса, а также в XVIII и раннем XIX веках – подчеркивалась неразрывная связь лирики с субъектом, как, например, у Гердера

²⁴ Более подробно об этом см. фундаментальный труд Харальда Фрике: Fricke (1981).

²⁵ Hühn / Schönert (2002, S. 289).

²⁶ Hühn / Schönert (2002, S. 290).

(лирика как выражение чувств) или у Гегеля, оказавшего наибольшее влияние на дальнейшее восприятие лирики как поэтической формы выражения субъективного.²⁷ Гегелевское определение «лирического»²⁸ вновь и вновь «возвращается» в разнообразных вариантах – прежде всего в немецко- и русскоязычных пространствах. В XX веке сами поэты, как, например, Готфрид Бенн в своей влиятельной марбургской речи «Проблемы лирики» (1951) или Осип Мандельштам в эссе «О собеседнике» (1913), имевшем особое значение для Пауля Целана, пытались ставить и решать вопросы об отношениях авторства и лирического Я, поэтического языка и субъективной автономии, о соотношении с реальностью и о поэтическом «разрушении действительности» („Wirklichkeitszertrümmerung“, G. Benn). После того как в модернизме (как известно, в качестве признаков этой эпохи Гуго Фридрих²⁹ назвал деперсонализацию и дегуманизацию), а затем и с большей уверенностью в постмодернизме была констатирована «смерть» субъекта или, по крайней мере, его «исчезновение»³⁰, многие авторы, особенно после 2000 г., снова задаются вопросом о категории «лирического Я» в современной поэзии. Субъект и субъективность, несмотря на приписываемую им анахроничность, в современной поэзии вновь становятся актуальными. В новейшей же теории лирики, напротив, проявляется тенденция к рассмотрению не только субъективности, но и самого субъекта как категорий, не являющихся определяющими с точки зрения литературных родов, и поэтому их больше не трактуют в рамках теорий лирики, в связи с чем замедляется и развитие методики исследования субъектных форм в поэзии.

Теория лирики XX века породила многочисленные модели определения субъекта, вследствие чего, соответственно, сложилась разнородная и многозначная терминология.³¹ Основной термин – «лирическое Я» – в 1910 г. был предложен Маргарете Зусман, в 1916 г. введен Оскаром Вальцелем в теоретический дискурс (хотя первое свидетельство относится уже к 1894 г.) и благодаря этой рецепции нашел свое широкое распространение во всем мире³² (включая Россию, см. статью В. Новикова в данном сборнике). Изначально термин был призван различать «эмпирического» автора и манифестируемую в тексте инстанцию Я, которая выступает в текстопорождающей функции и тем самым располагает к идентификации с самим автором³³. «Лирическое Я», которому таким образом приписывались противо-

²⁷ Völker (1997, S. 164). Ср. также высказывания о Гегеле: Culler (2015, p. 92-109).

²⁸ Hegel (1970, S. 420).

²⁹ Friedrich (1985, S. 36, 172).

³⁰ Bürger / Bürger (2000).

³¹ Ср. с обзором: Jaegle (1995, Kap. 2).

³² См. более подробно: Borkowski / Winko (2011).

³³ Ср. об этом «имплицитном поэтическом пакте»: Fischer (2007, S. 72).

речивые значения, так что Вальтер Килли³⁴ уже в 1972 г. подчеркивал непригодность этого термина и рекомендовал отказаться от его употребления, по этой причине и на сегодняшний день не находит своего широкого применения в исследованиях по германистике. Также и в более позднее время неоднократно указывалось³⁵ на терминологическую неоднозначность понятия «лирическое Я», в основе которой лежали различные способы его концептуализации.

С проблематизацией «лирического Я» появляются альтернативные понятия, которые, однако, остаются тесно связанными с определенными теориями и поэтому не находят широкого распространения. Эти понятия частично не покрывают значения, которые ранее отводились так называемому лирическому Я. Примеры таких новых терминов – «лирический субъект» („lyrisches Subjekt“; Stierle 1979), «поэтическое Я» („poetisches Ich“; Charpa 1985), «Я» („das Ich“; Burdorf 1997), «„носитель“ лирического голоса» („Träger“ der lyrischen Stimme“; Lüders 1965), «эксплицитная / имплицитная субъективность» („explizite / implizite Subjektivität“; Müller 2004), «композиционный субъект», «субъект выражения / высказывания» („Kompositionssubjekt“, „Äußerungssubjekt“; Hühn 1995³⁶) или просто говорящий и адресант (Sprecher und Adressant). Сюда же относятся и другие понятия, обозначающие инстанции более высокого уровня: «самость» („Selbst“; Reper 1998), «текстовый субъект» („Textsubjekt“ как параллель к «абстрактному автору» коммуникативной модели в нарратологии³⁷), «имплицитный / подразумеваемый субъект» или «субъективность перспективы» („impliziertes Subjekt“³⁸ oder „Subjektivität der Perspektive“; Burdorf 1997) и т.д. В других странах формировались аналогичные, а также иные понятия.

В России терминология, как и теория лирики, в значительной степени оставались обзримыми. Понятийный ряд традиционно составляют «лирический субъект», «лирическое Я» с его ипостасями – «эмпирическим» и «поэтическим Я»³⁹, а также «лирический» и «ролевой» «герой» и абстрактные инстанции «авторское сознание» и «образ автора / поэта»; лишь в недавнее время, вследствие рецепции европейских теорий лирики, терминология значительно расширилась. В русской филологии в основном представ-

³⁴ Killy (1972, S. 4).

³⁵ См. Burdorf (1997, S. 192). Л. Фёлькер (Völker 1997, S. 167) неоднозначно говорит о некой «терминологической фиксации „лирического Я“» („terminologische Fixierung des „lyrischen Ich““). Обзор истории употребительных понятий лирического Я дают, к примеру: Martínez (2002) и более детально: Borkowski / Winko (2011).

³⁶ Ср. Easthope (1983, pp. 43-45): „subject of the enounced“ / „subject of enunciation“.

³⁷ Burdorf (1997, S. 194-195).

³⁸ Ср. Stephens (1982, pp. 60-62); это понятие нельзя путать с «имплицитным поэтом» („implicit poet“; Wright 1960).

³⁹ Ковтунова (2006, с. 27).

лены отдельные исследования о лирическом Я, субъекте или лирическом либо ролевом герое в поэтических произведениях различных признанных и преимущественно старых, нежели новых, классиков – притом чаще всего это диссертации⁴⁰ (публикуемые в большинстве случаев лишь в виде авторефератов). Исследования по субъекту в современной поэзии в первую очередь направлены на авторов, чья поэтика оказалась под влиянием русского концептуализма, либо которые в 2010-х гг. представляют быстро набирающую в весе политическую поэзию⁴¹. Работы по субъекту можно также найти и среди русских лингвистических исследований современной поэзии.⁴²

Ввиду большого числа различных теорий и терминологических систем, принятых в мировом научном сообществе, в предложенной книге не представляется возможным дать точные нормативные определения указанным терминам. Однако внимание, безусловно, уделяется тому, чтобы использование терминов было осознанным, причем в качестве ведущих критериев выступают, с одной стороны, ссылка на выбранную теоретическую модель и соответствующие методологические подходы, а с другой – их обоснованная адекватность феномену. Понятие «субъект» было выбрано в качестве общего для всего сборника, при этом оно, по аналогии с понятием «лирика», понимается широко и не определяется сугубо с позиции философии и теории познания, психологии и нейрофизиологии или теории поэзии и литературы, что позволяет внести в исследование множество понятий, закрепленных за определенными теориями, так что в равной степени могут быть изучены как конкретные формы, например, Я в стихотворении, выступающее в роли явного или скрытого говорящего, так и абстрактные концепты субъектности. Мы исходим из предположения о том, что для анализа современной поэзии с присущим ей разнообразием форм организации субъектного начала требуется и соответствующий, как можно более диверсифицированный, инструментарий, который еще требует своего дальнейшего развития.

Во многих исследованиях дается обзор авторитетным теориям лирического субъекта / Я, а также предпринимаются попытки типологизации их моделей (Borkowski / Winko 2011).⁴³ При этом проявляется тенденция к возрастающей абстрактности типологий, которые обязаны, соответственно, предшествующим им подходам: к примеру, В. Мюллер суммирует 8 подходов (Müller 1979), М. Мартинез – 6 (Martínez 2002), а С. Шварц – только 3 (Schwarz 2007). З. Шидермайр (Schiedermaier 2004) предлагает

⁴⁰ См., например: Житенев (2008); Голышко-Вольфсон (2012); Корчагин (2013); а также диссертации: Нурмухамедова (2008); Штраус (2009); Зотеев (2011). Важные исследования по произведениям авторов предыдущих поколений: Бобров (1989); Мансков (1999); Романов (2004); Соколова (2006).

⁴¹ Майофис (2003); Корчагин (2012, 2013).

⁴² Например, Фатеева (2013).

⁴³ См. также Шталь (2016, с. 165-169).

лингвистическую типологизацию, которая позволяет свести разнообразие моделей к основополагающей проблеме – восприятию языка. Исходя из этой идеи, мы предлагаем следующую категоризацию различных теорий: в том случае, если язык прежде всего понимается через отношения референции (I), антагонистичные линии теории о гипостазированном субъекте (Ia) и его отрицании (Ib) – в первую очередь в постструктуралистских и постмодернистских подходах – могут рассматриваться как оборотные стороны одной медали.⁴⁴ Обе линии исходят из одного объекта референции – будь то онтическое или семантическое понимание / определение. При этом нормативно-мировоззренческие положения о природе субъекта (Я) в теории литературы интерполируются и проецируются на лирику. Принципиально иной тип образуют функциональные подходы (II), перенимающие и в некоторых случаях комбинирующие лингвопрагматические теории (IIa) или коммуникативные и рецептивные модели (IIb). Теория субъекта – одна из тех областей, в которых весомый вклад внесло языкознание, как русское, так и германское.

Модели типа Ia сосредотачиваются на статусе субъекта, чья идентичность, близость или удаленность от образа реального автора рассматриваются по-разному. После 1970 г. преобладают подходы, утверждающие разницу между автором и лирическим Я. Сюда можно отнести и советские исследования⁴⁵. Возникшая путем элиминации авторского Я «лакуна» лирического Я / субъекта заполняется различными теоретическими конструктами в функции нового объекта референции. Это ведет к дифференциации различных инстанций и уровней Я / субъекта, охватывающих как конкретные формы, так и абстрактные концепты: например, определение лирического Я в теории познания как «единства трансцендентной структуры представления» („Einheit der transzendentalen Vorstellungsstruktur“⁴⁶) или как „signature“⁴⁷ – индивидуально-характерной формы выражения, в которой должен отражаться реальный автор.⁴⁸ Независимо от языкового выражения «Я» либо замещающих его форм, эти подходы позволяют извлечь субъективность как матрицу текста из его формы (как центр восприятия / перспективации и продуктивную эстетическую форму). Возвращение эссенциализма можно наблюдать у А. Брема, рассматривающего лирику как уникальное и неподдающееся типологизации «выражение конstellации субъекта и мира» („Ausdruck der Konstellation von Subjekt und Welt“⁴⁹).

⁴⁴ Сходные положения см. в: Schiedermaier (2004, S. 38).

⁴⁵ См., например: Сильман (1977, с. 76), а также исследования Гинзбург и Кормана.

⁴⁶ Peper (1972, S. 408).

⁴⁷ Perloff (1999).

⁴⁸ См.: Wright (1960, p. 83), а также: Müller (2011, S. 57, Sp. 1).

⁴⁹ Brehm (2013, S. 10).

В процессе постструктуралистской семиотизации, отождествившей мир и текст, субъект уступил место субъективности как целенаправленно фиктивному конструкту (Ib), который с позиции философии языка или психоанализа был объявлен риторико-языковой структурой⁵⁰, продуктом языка и неосознаваемых процессов. В то же время началось освоение постмодернистских теорий субъекта в теории литературы. Важными мерилami стали отрицание автономного и субстанционального субъекта и допущение лишь некоего воображаемого единства в действительности разнородного и децентрированного множества (Лакан, Кристева). Идеи французского постструктурализма и постмодернизма нашли свое распространение в России в 1990-е гг., хотя некоторые независимые идейные параллели, сложившиеся, однако, в иных условиях, можно усматривать уже в русском концептуализме⁵¹.

В известной степени антагонистичными по отношению к типам Ia / b выступают функциональные подходы (II), которые не наделяют идею / концепт субъекта определенным содержанием и от вопроса о «сущности лирического Я» переходят к анализу «употребления языковых средств»⁵² и прочих специфически эстетических приемов. Подходы (IIa) ориентируются на лингвистику и анализируют в стихотворении главным образом структуру высказываний. Так, употребление личных местоимений вслед за Оскаром Вальцелем исследует Вольфганг Локеман (Lockemann 1973), а позже – Дитер Бурдорф⁵³; тот же предмет исследования актуален и в русской лингвистике.⁵⁴ Другие подходы на лингвистической основе разрабатывают гипотезу о том, что субъектность может формироваться в тексте независимо от использования личных местоимений: например, в своей недавней работе Клаус Хэмпфер⁵⁵ распознает «прототипическую структуру лирического высказывания» („prototypische Struktur lyrischer Äußerung“) в «перформативной фикции» („Performativitätsfunktion“), т.е. в синхронности фиктивного, воображаемого речевого акта и самой оговоренной ситуации.⁵⁶ Каспар Шпиннер (Spinner 1975) сводит вместе функциональную прагматику, позволяющую определить лирическое Я как «пустой дейксис» („Leerdeixis“), и положения рецептивной эстетики (Iser) о «пустом месте» („Leerstelle“). Лирическое Я понимается как функция в рецептивном процессе. Сюда же относится и теория З. Шидермайр⁵⁷, которая различает субъект

⁵⁰ Ср. Horn (1995, S. 302).

⁵¹ См.: Эпштейн (2000 / 2005).

⁵² Burdorf (1997, S. 193).

⁵³ Burdorf (1997, Kap. 5.3).

⁵⁴ Ковтунова (2006).

⁵⁵ Hempfer (2014, S. 34).

⁵⁶ О различении понятий „Performance“, „Performanz“ [перформанс, выступление] и „Performativität“ [перформативность] ср.: Hempfer (2011).

⁵⁷ Schiedermaier (2004, S. 84).

речевого акта и субъект, чье восприятие и опыт составляют содержание высказывания. Так она образует точку пересечения со второй функциональной линией, которая дифференцирует функциональные уровни субъекта в тексте и объединяет подходы, примыкающие к теории коммуникации и ее адаптации в нарратологии (Шб). Нарратологическая модель коммуникации с ее иерархией инстанций разных уровней неоднократно проектировалась на лирику.⁵⁸ Однако подобные трансжанровые попытки не избежали критики.⁵⁹ В этом контексте особое значение отводилось вопросу о визави адресанта, об адресате и читателе / слушателе / реципиенте.⁶⁰ Эта инстанция таким же образом анализировалась по специфическим уровням коммуникативной модели (реальный, абстрактный / имплицитный, фиктивный адресат), в ней усматривали связующее звено между читателем и текстом и, наконец, даже продукт самого читателя. Именно подходы в русле теории дискурса (например, Stierle 1979 или Easthope 1983) в основном видят в читателе инстанцию, определяющую дискурс.

В основе этой книги лежат наблюдения, что в теориях лирического субъекта нередко проявляются особые предпочтения относительно определенных эпох, жанров и даже авторов и текстов, которые, соответственно, берутся в качестве примеров в первую очередь. Такие примеры демонстрируют идейную и / или формальную близость основным положениям соответствующих теорий – это в равной степени касается типов Ia и b, в то время как тип II ввиду своей функциональной направленности допускает более широкий спектр примеров. Однако проблема типа II связана в большинстве случаев с фактическим отсутствием содержательного высказывания о модели субъекта в поэтическом тексте. Функциональные подходы разделяют преобладающее сегодня в литературоведении сомнение в научности интерпретации.⁶¹

Это наблюдение подкрепляет положение теории науки о том, что теории и, соответственно, методы участвуют в формировании способов видения объекта и в значительной степени самого объекта. Если цель исследовательского процесса состоит в пополнении знаний об объекте, необходимо стремиться к известному согласованию подхода, метода и самого объекта. В таком случае не стоит отклонять эссенциалистские подходы как таковые, если они применяются к текстам, которые сами выстраиваются на эссенциалистской основе. Но принципиально необходимым представляется осознанное обращение со структурой, формой и функциями текста, учитывающее уровни коммуникативной модели. К тому же, как в прошлом в модернизме, так и сейчас в современной поэзии теория является «важной со-

⁵⁸ Grübel (1987), Bernhart (1993), Burdorf (1997), Schönert (1999), Hühn / Schönert (2002) и др.

⁵⁹ См., например: Müller (2004, S. 95).

⁶⁰ См. типологию адресатов: Coenen-Mennemeier (2004).

⁶¹ Ср.: Stahl (2013).

ставной частью»⁶²: поэты создают тексты с оглядкой на определенные идеи, модели и теории, знание которых должно стать предпосылкой анализа.

По этой причине в основе данной книги лежит плюралистический подход, допускающий свободный выбор методов и теорий, а также развитие собственных концептов, но при этом настаивающий на убедительном обосновании этого выбора в соответствии с предметом исследования и поэтическими текстами и на интересубъективной «прозрачности» анализа текстовых феноменов.

Формы субъекта в современной русской поэзии

В русле историко-литературной традиции со времен античности развивались различные формы лирического субъекта – от автобиографичного Я и воображаемого Я как маски, а также множественных личин Я (*personae*), до фрагментации, метаморфозы, растворения и замены конкретного субъекта голосами и т.д. – и его отношения к другим лирическим инстанциям различных уровней текста и вне текста (лирическое Ты, абстрактный автор, реальный автор). Современная поэзия демонстрирует осознанную игру с этими возможностями самой традиции и ссылающимся на нее теориями и моделями описания, так что в современной поэзии можно вести речь о своеобразной лирической метасубъектности. Новейшая поэзия создает различные формы синтеза разнородных и противоречивых традиционных типов лирического субъекта.

Как показывает содержание этого сборника, в современной поэзии можно выделить основные типы формирования субъекта, которые позволяют структурировать множество индивидуальных вариантов его поэтической реализации и сделать более наглядной их специфику. Современный спектр форм включает в себя три основных типа формирования субъекта: а) исчезновение / растворение / дисперсия субъекта, б) его [в основном мнимое] отсутствие и с) [новое] конституирование субъекта и субъективности.

Формы дезинтеграции субъекта (а) в поэтических текстах проявляются в виде множественных трансформаций, ролевых игр и маскарада, воображаемой дезориентации, плюрализма голосов, а также коллажей из фрагментов восприятия, цитат, аллюзий или реди-мейдов, которые ведут не только к упразднению говорящего, но и в крайних случаях к полному расфокусированию и деперспективации. Дезинтеграция субъекта остается актуальной и в новейшей поэзии и часто сопровождает распад поэтических форм (например, у Сергея Бирюкова, Ры Никоновой, Анны Альчук, Константина Кедрова, Елены Кацубы; см. также статью С. Бирюкова в настоящем сборнике).

⁶² Völker (1997, S. 163).

Мнимое отсутствие и скрытое присутствие субъекта (b) можно обнаружить у авторов, дебютировавших в 1990-2000-е гг.: с одной стороны, отрицание автономного субъекта давно стало общим местом, а с другой – общественная ситуация требует, напротив, формирования самостоятельного субъекта как основы демократии. При этом авторы, работающие с осознанием исторических и общественных тенденций, как, например, Арсений Ровинский или Ника Скандиака, разделяют ощущение того, что субъект выпал из «исторического нарратива», образованного идеологиями, а также из самих социальных связей. Их ответом на это служит поэтическая проблематизация субъекта, чей «уход в тень» проявляется вплоть до его полного исчезновения в качестве осязаемой текстовой инстанции, а именно в отношении не только отсутствующих личных местоимений и соответствующих глагольных форм первого лица, но и самой возможности реконструировать центр перспективы высказывания. Однако существует и противоположная ситуация, когда имплицитный субъект осознанно формируется как текстовая инстанция на менее очевидном уровне аллюзий и композиции, либо как динамичная сила организации поэтической структуры в целом (ср. статьи К. Корчагина, М. Липовецкого, М. Мартынова в настоящем сборнике). Так, некоторые поэты оставляют субъект прозрачным для Другого, либо проектируют его отсутствие, но при этом он может появиться в языковом пространстве снова – не всегда в открытую – как голос и форма или прием (например, у Михаила Сухотина, Наталии Азаровой), либо как структурообразующая константа, выходящая за пределы конкретного текста – особенно в циклах и поэтических книгах.

Формы нового конституирования субъекта (c) обнаруживаются у авторов, в свете общей тенденции к его элиминации преобразующих поэзию в откровенно автобиографичный нарратив (Елена Фанайлова, Дмитрий Воденников, Тимур Кибиров и др.). Сильная позиция лирического Я, как это проявилось особенно явно начиная с рубежа веков в поэзии так называемой «новой искренности»⁶³, часто сопровождает функциональные задачи, как, например, детабуизация некоторых явлений или общественная и политическая критика. Существует параллель между тенденцией к автобиографически маркированному Я и дигитальными медиа, в которых в качестве ответной меры по отношению к виртуальности выступает создание видимости аутентичности и индивидуальности, как это можно наблюдать в социальных сетях. Вообще говоря, откровенность некоторых современных поэтических текстов может (или должна) казаться популистской, и тем не менее при внимательном рассмотрении обнаруживается, что она не более чем симуляция, когда, к примеру, запускается в действие путем двойного отрицания или подчеркнутой нарочитости. Возрождение романтизирован-

⁶³ Rutten (2012).

ных форм Я – по крайней мере, в профессиональной поэзии – было подорвано критикой и требует их переоценки.

Оба первых типа (а) и (б) обнаруживают также и переходные формы к новому конституированию субъекта (с): так, в политической поэзии имеет место сильная позиция Я-инстанций, которые, способствуя развитию концептуалистских практик и приемов (прежде всего, в духе Д.А. Пригова), демонстрируют различные формы отчуждения и комбинируют их с автобиографичными элементами (например, у Кирилла Медведева, Романа Осминкина, Эдуарда Лукоянова, Дмитрия Быкова⁶⁴), или же растворяющийся субъект превращается в сложный, подвижный и трансформативный.

Особый вызов – в первую очередь для молодых авторов, вышедших на литературную сцену после рубежа веков – представляет собой «протеический» или «мерцающий» субъект, уходящий корнями в русский концептуализм (особенно в духе Д.А. Пригова). Этот субъект находится между двумя крайними позициями – отрицанием субъекта и его утверждением – уклоняясь от сближения с каждой из них. Авторы, работающие с подобным субъектом, с одной стороны, избегают построения личностного субъекта, поскольку оно представляется им наивным, с другой – не отказываются от субъекта вовсе, будь то этические, политические или антропологические и проч. причины. Образуются формы опосредованной, но тем не менее тотальной субъектности, а также возникающих ситуативно, изменчивых, множественных и открытых субъектов.

В целом обнаруживается, что для направлений современной поэзии, принципиально отличающихся друг от друга в отношении поэтологии, эстетики или идеологии, характерны формы лишь намеченного пунктиром, либо непрерывно меняющегося, как Протей, либо выстраивающего себя заново под влиянием мгновения или ситуации субъекта.⁶⁵ Субъект проявляет себя спонтанно скорее как позиция, нежели как личность; в связи с этим вопрос «идентичности» для этой формы субъекта вторичен. Идентичность же выступает скорее в роли прагматической стратегии, нежели психологической проблемы. Субъект в таких стихотворениях определяется процессами субъективации (ср. статью Е. Суловой в настоящем сборнике), обусловленными

⁶⁴ Ср. Кузьмин (2001).

⁶⁵ Ср.: «Одной из самых ярких тенденций поэзии 2000-х стало развитие своего рода молекулярного смыслового анализа. Авторы с очень разной поэтикой составляют стихи из конфликтных, разнородных образов, мелодических фрагментов, аллюзий. [...] Поэтому переход от одного фрагмента к следующему легко становится личной микро-травмой, свидетельствующей о преодолении комфортного, внутренне согласованного миропонимания. Интонационные сбои, повторяющиеся с не мотивированными на первый взгляд изменениями строки, – все это демонстрирует, что поэтическая речь в своем разворачивании как будто все время наталкивается на препятствия, и даже более того – что при каждом таком столкновении говорящий должен немного пересоздать себя, чтобы иметь возможность говорить и двигаться (то есть жить) дальше» (Кукулин 2010).

ситуацией и контекстом. Основным качеством этого субъекта является «определенная неопределенность»: намеченные конкретные черты одновременно предстают как опосредованные и принципиально изменчивые. Кажется, что поэзия после рубежа веков служит таким образом формированию парадигмы, которая объединяет в себе, с одной стороны, тягу к установлениям субъектности, с другой – (пост)модернистское упразднение и подчеркнутую сконструированность субъекта, что вместе с тем приводит к синтезу или метаморфозам традиционных поэтических форм субъекта.

Структура книги

Первую часть книги составляют статьи, которые, объединяя анализ современной поэзии с установкой на ее теоретическое осмысление, имеют целью разработку теоретических подходов и соответствующей методологии. При этом становится очевидной необходимость учитывать исторические и культурные контексты, а также изменения в них: субъект в поэзии нельзя рассматривать в отрыве от литературы и культуры соответствующего времени. Вторая часть сборника охватывает исследования субъектных форм в современной русской поэзии, причем особое внимание уделяется формам нового конституирования субъекта и формам перехода от растворения / отсутствия субъекта к его новому утверждению.⁶⁶

В разделе **«К теории и типологии поэтического субъекта»** рассматриваются подходы и методы анализа форм субъектности с точки зрения теорий лирики и лингвистики.

Хенрике Шталь предлагает воспользоваться термином «поэтического субъекта» вместо «лирического» из-за неоднозначности и узости понятия «лирика» и предпочитает говорить о «субъекте» в качестве текстовой инстанции, формируемой по-разному на различных уровнях текста, что позволяет создать тонкий инструментарий для описания сложных субъектных структур и их соотношений между собой, а также с внетекстовыми формами авторской субъектности. В отличие от многих других, она относит «поэтический субъект» не к говорящему или адресанту, а к более абстрактной инстанции имплицитной субъектной структуры, которая может быть образована в разрез как с говорящим, так и с другими формами выражения реального автора. Фиктивность как говорящего, так и текстового субъекта подчеркивает **Виллем Вестстейн** на материале современной поэзии (О. Седакова, Е. Шварц, П. Барскова, С. Кекова): говорящий является элементом текстового пространства, автор же стоит вне его; даже при наличии

⁶⁶ Исследования по типологии субъекта в современной русской поэзии вошли в спецномер журнала „Russian Literature“ – «Формы субъекта в новейшей русской поэзии». Номер в печати и должен выйти в 2019 г.

автоадресации или лирических нарративов, которые потенциально могут быть поняты в автобиографическом ключе, отождествление автора с говорящим или текстовым субъектом принципиально противоречит природе поэтического текста и должно рассматриваться как особый прием, нуждающийся в интерпретации. **Владимир Новиков** показывает, что разграничение автора и «я» (или говорящего в стихотворении), а также более емких понятий «героя» и «субъекта» восходит в русской традиции к Андрею Белому, который развивает понятие «лирический субъект» в противовес понятию «лирический герой», предложенному Юрием Тыняновым как форма присутствия авторской личности в стихотворном тексте. Представляя историю становления, развития и филологического применения терминов «лирический герой», «лирический субъект» и проч., Новиков указывает на продуктивность данных понятий также в анализе современной поэзии, отмечая, однако, необходимость их дифференцирования и использования с учетом широкого культурного пласта значений, приобретенных ими в русле филологических исследований многих десятилетий. Среди ставших классическими советских работ о субъекте в поэзии важную роль играют исследования Бориса Кормана, разработавшего понятия «собственно автор», «автор-повествователь», «лирический герой» и «ролевой герой». **Сергей Бирюков** расширяет его концепцию понятием Й. Ужаревича о лирическом «Сверх-Я», не только создающем текст, но и рефлектирующем его создание, и показывает, как это понятие помогает в анализе современной поэзии различать сложные формы удвоенной или умноженной субъектности, а также формы бессубъектной и так называемой имплицитной субъектности. Бирюков подчеркивает, что в современной поэзии развит широкий диапазон крайне индивидуальных форм субъектности, нуждающихся в тонком инструментарии анализа и описания расположенных между полюсами более традиционных и, напротив, авангардных форм. На основе анализа поэзии Ры Никоновой, Сергея Сигея и Елизаветы Мнацакановой Бирюков разрабатывает формы субъектности в неоавангарде и связывает их с обращением к опыту предшественников и поиском новой выразительности: традиционная субъектность отрицается, выводится за пределы текста, либо преобразуется по примеру смежных искусств – музыкального и изобразительного. На примере текстов К. Кедрова, Е. Кацюбы, В. Месяца, А. Таврова он рассматривает варианты трансформативной субъектности, утверждая невозможность ее полного преодоления: различные способы формальной деперсонализации не нивелируют субъективного видения.

Для современной поэзии характерно развитие форм распада единства четко отграниченного субъекта, ставшего подвижно-текучим, фрагментарным, множественным, прозрачным или практически неуловимым. Это касается в первую очередь традиционной категории адресанта (часто называемого «поэтическим» или «лирическим я», а также говорящим, но эти термины являются более узкими, чем адресант). Для описания форм адресанта языкознание

предлагает методы анализа, которые адаптируются к потребностям современной поэзии и часто выходят за рамки традиционной лингвистики.

Наталья Азарова демонстрирует, каким образом дву- или многоязычие может быть рассмотрено как параметр для анализа проблемной субъектности в современной поэзии: оно позволяет определить адресанта как субъекта, «скользящего» между единством / целостностью и их невозможностью или разрушением / отрицанием. В основе анализа лежит выявление аутентичной и чужой речи, различных градаций своего / чужого / присвоенного в поэтическом высказывании, которые могут свидетельствовать о расщепленности / скрытости / неявленности субъекта. Таким образом, реконструкция субъекта возможна через последовательное исследование соотношения своей и чужой идентичности. Аналогично многоязычию в современной поэзии работает интертекстуальность: цитатность и аллюзии могут смещать перспективы адресанта и придавать ему подвижность. Постоянно движущегося и изменяющегося адресанта **Наталья Фатеева** определяет как «номадичного» (по Р. Брайдотти), так как этот субъект не может быть описан при помощи бинарных оппозиций и демонстрирует множество различий, центров, перспектив, а также их сдвигов, переходов в системе координат «кочующего» текста. Степень номадичности такого субъекта зависит от полноты представленности претекста, степени его узнаваемости и деформации (на примере С. Бирюкова, В. Павловой, В. Полозковой).

Уже сама работа с функциями языка обуславливает разные формы адресанта. **Евгения Сулова**, определяя субъект как базовую моделирующую функцию, а субъективность как процесс моделирования, предлагает типологию субъекта на основе отношений между [языковым] знаком и миром. По типу взаимодействия семантического, грамматического и функционального планов, а также по степени рефлексивности текста она различает четыре дискурсивные стратегии: репрезентирующую (Е. Шварц, В. Кривулин, О. Седакова и др.), референцирующую (В. Соснора, В. Бородин и др.), модализирующую (А. Альчук, Н. Азарова, А. Скидан и др.) и концептуализирующую (А. Драгомощенко, Г. Айги и др.). Обращаясь к когнитивной лингвистике, а также к понятию «расщепленного субъекта» у Лакана, **Ольга Соколова** расширяет лингвопоэтический анализ соотношения знака и мира рассмотрением точки наблюдения (point of view), выбранной говорящим относительно описанного объекта. При помощи этого инструментария Соколовой удастся выявить, что для поэзии 1990–2010-х гг. оказывается характерным модус обретения себя / отчуждения от себя. Дисперсия собственного я в отношениях с Другим и языком находит свое выражение в неконвенциональном использовании дейктических средств и в смене дейктического ядра, а невозможность самоопределения субъекта порождает неопределенную референцию: это попытка освободиться от статуса объекта для взглядов других.

Дейксис как средство оформления субъектности ставится в центр трех следующих статей. **Владимир Фещенко** дает обзор языковедческих теорий дейксиса и проверяет их на адаптируемость к анализу поэзии, в которой, по его мнению, дейксис работает иначе, чем в других речевых актах, так как она в большей степени направлена на реализацию поэтической функции языка. На материале текстов В. Аристова он анализирует особенности функционирования дейктических средств в поле поэтического высказывания: так, в поэзии дейксис задается непосредственно последовательностью и организацией высказываний-строк, указательность определяет характер субъективности, а дополнительные параметры поэтический дейксис получает в случае перформативного чтения текста поэтом, сопровождаемого определенными интонациями, жестами и проч. **Екатерина Евграшкина** сосредотачивает свое внимание на нулевой референции, типичной для поэзии, в которой сам речевой акт является событием, придающим субъекту перформативный характер. Языковая конструируемость субъекта осмысливается метапоэтически в стихотворениях с выраженной метаязыковой составляющей, в которых само содержание «пустых» знаков (формальных носителей субъективности) становится предметом поэтической рефлексии. На примере русско- и немецкоязычных текстов, написанных в последние несколько десятилетий (Д. Воробьев, А. Глазова, П. Андрукович, Л. Зайлер, Л. Хаппель, Б. Кёлер и др.), она рассматривает особенности функционирования личных местоимений и индивидуальные формы «полагания субъекта», ориентируясь, прежде всего, на маркеры и единицы, определяющие пространственный и временной модусы индивидуального поэтического дейксиса. Она также исследует разнообразные формы смены пространственной и временной перспективы, ведущие к формированию сложной многоуровневой субъектности. Подобный анализ позволяет описать протеические формы открытости, неопределенности и подвижности субъекта, как они встречаются в особенности в современной герметичной поэзии. Анализ нулевого дейксиса местоимения «я», реализуемый **Ольгой Северской**, также сосредотачивается на растворенном субъекте, который образуется в самом процессе языковой автокоммуникации. На примере текстов И. Жданова, А. Драгомощенко, В. Кривулина и др. она последовательно доказывает взаимосвязь элементов *я*, *ты*, *здесь* и *сейчас* как переменных величин, способных принимать различные значения; при этом поэтическое Я маркирует присутствие говорящего и некой точки зрения. Я – знак без референта – в поле поэтического высказывания характеризует его одновременно и как анонимное, и как сугубо личное.

Но не только дейксис приобретает в поэзии другие признаки и функции, нежели в стандартных формах коммуникации. В современной поэзии особенно отчетливо проявляется склонность к вольному обращению с языковыми нормами на всех уровнях и даже к радикальным языковым экспериментам. **Людмила Зубова** рассматривает эксперименты с нестандартными

отношениями субъекта и объекта в современной русской поэзии, которые так же, как и вышеуказанные стратегии поэтического употребления дейксиса, приводят к формированию неоднозначности и неопределенности субъекта. Так, она устанавливает, что поэзия опосредует привычные представления об отношениях субъекта с объектом: в поэтическом высказывании выявляются тенденции к обмену актантами «субъект», «объект» и «инструмент», а также различные способы дистанцирования от субъекта «я» и его устранения.

В разделе «**Субъект в новейшей русской поэзии**» в центр изучения ставятся субъектные формы в определенных сегментах поэтического поля или в творчестве выбранных авторов, а также их соотношение с определенными поэтическими средствами, которые могут употребляться в качестве как противовеса выраженной субъективности, так и ее формального зеркала.

Сопоставляя русскую, немецкую, сербскохорватскую и польскую поэзию, **Роберт Ходель** рассматривает языковые, эстетические, идеологические и политические причины выбора между силлабо-тоническим стихосложением и свободным стихом. Устанавливается тот факт, что русская поэзия, в отличие от других, еще не исчерпала возможностей вариативного богатства силлабо-тонической системы, которая благодаря особенностям русского языка не только не ограничивает, но, напротив, создает плодотворную почву для развития новых форм, в том числе и открытого и подвижного субъекта, для формирования которого, оказывается, вовсе не обязателен вольный стих. **Юрий Орлицкий** также подчеркивает тесную связь субъектной структуры с природой стиха. Обращение С. Завьялова и М. Амелина к архаическим по своему генезису стиховым формам, по утверждению Орлицкого, с одной стороны, иллюстрирует сложный стиховой плюрализм и ритмическую гетероморфность современной поэзии, а с другой – формирование мультисубъектности, в условиях которой лирический субъект одновременно оказывается носителем традиций и новых функций, в совокупности формирующих его как инстанцию трансформативной культурной памяти. Традиционные поэтические средства особенно продуктивно продолжают развивать так называемые «поэты-непоэты», т.е. поэты, которые отказываются от активной саморепрезентации в современном социальном поле поэзии и от борьбы за позиционирование в нем, как это показывает **Федор Двинягин**. Однако и в их текстах субъектность характеризуется тенденцией к выбору модуса анонимности, иронии или маркированной стилизации – независимо от развития традиции, единство субъектного адресанта оказывается нереализуемым. Субъект, тем самым, становится центральной категорией поэзии, которая, в отличие от других классических форм, на сегодняшний день, безусловно, не остается неизменной.

Изменение субъектности в поэзии связано, как показывает случай Виктора Кривулина, с новой политической ситуацией постсоветской России, в которой основные ценности были подвержены трансформациям. Ощуще-

ние отчужденности и всеобщей зыбкости основ отражается в фрагментации, умножении и процессуальности субъектных форм в поэзии. У Кривулина «я» растворяется и сливается с коллективным «мы». Этому коллективному субъекту **Марко Саббатини** отводит решающую роль в определении культурного пространства: *мы* рассматривается как часть культурного проекта и элемент поэтической историзации. Превращение *я* в *мы* происходит в момент слияния своего и чужого пространств; в поэзии В. Кривулина поэтическое *мы* формируется в пространстве Петербурга / Ленинграда и апеллирует к становлению и существованию неофициальной культуры. В целом в постсоветской поэзии по сравнению с предыдущей литературой можно наблюдать более широкое употребление местоимения «мы», которое, однако, принимает на себя разные функции. Кроме отчуждения и растворения это и формы слияния, не лишаящие субъекта его автономности, а служащие эмпатическому вчувствованию, формированию сопричастности с Другим и преодолению границ с ним, что также ведет к развитию и других видов интерсубъективности. В подобных целях употребляется и деконструкция языковых норм в сложной или герметичной поэзии: из помехи сопричастности она становится запускающим ее кодом, как это показывает **Галина Заломкина**. Она выделяет в качестве характерных признаков «непрозрачной поэзии» многомерность взгляда и разнообразные языковые техники остранения, что в совокупности означает трудности в логическом, эмоциональном и эстетическом декодировании поэтических смыслов в соответствующих текстах (ср. А. Драгомощенко, Ш. Абдуллаев, А. Уланов и др.). **Александра Третьякова** на материале поэзии Елены Зейферт выделяет установку на коммуникативные отношения, для которых характерно сочувствие другому, причем субъект предстает целостным, хотя и неочевидным. Для ее поэзии имеет особое значение ориентация на адресата, что обуславливает преобладание эготивно-апеллятивного типа субъекта.

Усиленное внимание уделяется не только коммуникации с адресатом, но и форме «мы» в политической поэзии. **Ольга Северская** подчеркивает, что в современной поэзии происходит сближение с политикой, – с той разницей по сравнению с политической поэзией прошлого, что теперь она сама пытается участвовать в политическом дискурсе, присваивая себе его же признаки (ср. «новую социальную поэзию» П. Барсковой, К. Медведева, А. Скидана, Е. Фанайловой и др.). Поэтический текст перенимает ряд признаков современного публицистического стиля, включая идеологемы, ярко выраженную социальную оценочность, цитатность и средства иронии, авторскую субъективность и направленность авторской позиции на адресата и т.д. Однако несмотря на сильную установку на участие в политической коммуникации, субъект новой социальной поэзии не теряет своей лирической составляющей. В политически ангажированной поэзии «мы» употребляется также с идеологической функцией образования групп и отождествления с ними или,

наоборот, в целях преодоления группового начала, связанного с заострением конфликтов и противостоянием враждебных лагерей, как показывает **Анна Гаврилюк** на выбранных примерах новейшей украинской поэзии, посвященной проблеме конфликта между Россией и Украиной.

В противоположность поэзии с коллективной или коммуникативной установкой **Александр Уланов** подчеркивает стремление к радикальной индивидуализации, характерное для другого сегмента новейшей поэзии. Субъектность выстраивается не на выражении чувств или размышлений, но как ярко индивидуальная перспектива восприятия себя и мира, как формы контакта с миром и другим человеком. Субъект текуч и открыт, но не лишен контуров, становясь в каждый момент другим, как это можно увидеть в поэзии Андрея Сен-Сенькова и Аркадия Драгомощенко. В явном виде («я») субъект практически отсутствует, происходит перенос тяжести на индивидуализацию события, которое рассматривается как событие-вне-я, а не событие-для-я. Согласно Уланову, поэтика указанных авторов – это «способы видеть», реализуемые средствами языка и литературы. Индивидуализация субъекта характерна также для поэзии Елены Шварц и Ольги Седаковой, хотя субъектность в их текстах формируется иначе. **Катина Бахарова** анализирует субъектность в творчестве обеих поэтесс на примере стихотворений на тему сна и утверждает, что открытый субъект у Седаковой текуч и прозрачен для других, тогда как у Шварц субъект внутренне расщеплен и распадается на несколько различных инстанций. Прозрачность субъекта может усиливаться до такой степени, что остается лишь сам акт коммуникации без меседжа, выдвигая субъектные инстанции адресанта и адресата сами по себе. Подобные остранные субъектные формы **Валерий Гречко** исследует в поэзии минимализма (В. Некрасов, Бонифаций и др.). Для этого сегмента поэзии как раз характерны элиминация меседжа и обнажение коммуникативных приемов, содержанием которых становятся разнообразные формы поэтической интеракции участников, т.е. особого рода взаимодействия между субъектом и адресатом высказывания. Демонстрация механизмов коммуникации ведет к усиленному проявлению субъектности, хотя ее сущность и функции отличаются от таковой в нормативной и канонической поэзии.

Другой способ конструирования субъекта на основе дискурса развит в концептуализме и у его современных наследников. Субъект Пригова расщепляется на разные голоса, образованные посредством цитат, идеологем, клише, а также аллюзий на определенные дискурсы или стили. «Влипаюсь» в разные дискурсы, субъект начинает «мерцать». Как показывает **Кирилл Корчагин**, приговский способ построения субъекта является вызовом для молодого поколения, в особенности для политически ангажированных поэтов постконцептуализма⁶⁷, которые борются с этическим релятивизмом,

⁶⁷ Этот термин восходит к работе Дмитрия Кузьмина (2001), см. также: Давыдов (2017).

заложенным в концептуализме. Они стремятся к преодолению концептуализма с помощью его собственных средств двумя способами: с одной стороны, развивая некий «суперсубъект», в определенный момент останавливающий «мерцание», а с другой – демонстрируя шаткость любого идеологического основания высказывания, однако, с иной, нежели в концептуализме, целью – заострить утверждение определенного дискурса. **Марк Липовецкий** также подчеркивает, что функция цитатности в постконцептуализме изменилась, формируя субъектность между полюсами распада субъекта и приобретения им нового единства, которое, однако, учитывает проблемность и сомнительность единого субъекта. С опорой на ряд работ по роли цитат в современной литературе Марк Липовецкий рассматривает апроприацию «чужого слова» как воплощение нового типа мозаичной субъектности, при этом им особо выделяются две модели цитатности: неоклассицистская (цитата как аллегория исторической памяти в поэзии В. Кривулина и С. Стратановского) и концептуалистская (цитата как инструмент разрушения стереотипных связей и обнаружения их фиктивности в поэзии В. Некрасова, Д. Пригова, Л. Рубинштейна). В определенном сегменте поэзии 2000-х–2010-х гг. (М. Степанова, Е. Фанайлова, П. Барскова) происходит синтез данных тенденций, а вместе с тем формируется фрагментарный цитатный лирический субъект – вне диалога с прошлым и концептуализации истории – как современный анонимный поток сознания. Аналогичным образом поэты могут работать и с реди-мейдами. **Александр Житенев** показывает, как через их поэтический монтаж проявляется структурообразующая сила, формирующая определенную субъектность. Субъект в данном случае выступает в роли интерпретатора, он создает траектории чтения, позволяющие трактовать любой текст как построенный по принципу «текста в тексте»; работая с готовым материалом, он проявляет себя как создатель «резонансного пространства», в котором важна игра несовпадений между исходным и вторичным текстами, выявление исторической и эстетической дистанции. Даже в случае, когда этот субъект становится конкретным голосом, он может отличаться от самого автора. Особую форму поэтической работы с реди-мейдами представляют собой блэкауты, вычеркивающие, вымарывающие или выбеливающие блоки первичного текста. При этом субъект выбранного текста разрушается, однако самой активностью вычеркивания и отрицания определенных мест данного текста конституируется новый субъект, как это объясняет **Михаил Мартынов** на примерах А. Йоффе, Д. Серенко и А. Черкасова. Тексты-блэкауты, с одной стороны, манифестируют активное отсутствие субъекта, а с другой – обнаруживают его на периферии текстового пространства: в обрывках слов, в местах между колонками текста, в «случайных» знаках препинания и проч. Таким образом, эти тексты открывают незапланированные возможности текста, реализуя субъект как событие, и наполняют новыми содержаниями его кажущееся отсутствие.

Именно блэкауты предоставляют веский аргумент в пользу тезиса о том, что отрицание или даже отсутствие субъекта не свидетельствуют о его настоящем отсутствии, но, напротив, формируют субъект как силу, определяющую текст в целом, т.е. косвенным образом субъект возвращается и в еще большей степени начинает господствовать над текстом, нежели традиционный субъект: он становится тотальным. И наоборот – проблематичным и сомнительным субъект оказывается в поэтических текстах, демонстрирующих процесс его расщепления и распада, как мы это можем наблюдать, например, у Пригова с его «мерцающим субъектом». Другой тип «сильного» субъекта – но не в смысле его единичности и тотальности – развивается в сложных и трансформативных поэтических формах. Этот субъект является нестойким, текучим, преходящим, множественным и открытым и выступает скорее как творческая сила и перформативное событие творческого акта, чем как определенное существо или хотя бы определенная смысловая позиция. Развитие подвижного субъекта может затрагивать все текстовые уровни: спектр распространяется от говорящего и адресанта вплоть до субъектных форм, скрытых в самой структурообразующей силе, причем эти формы разных уровней могут выстраиваться как гармонично содействующими, как и борющимися друг с другом – в том случае, когда сталкиваются перспективы, точки зрения и голоса, как, например, у Шварц с ее расслаивающимся по иерархическим уровням и разным инстанциям субъектом или в текстах с «номадическим» субъектом (см. статью Н. Фатеевой).

В современной поэзии вновь стала значимой связь с автором: или поэтический субъект полностью независим от автора, который может сам выступить как вымышленное лицо (см., например, случай Фаины Гримберг), и радикально отличается от него, или как раз наоборот. Но и сама личность автора может приобретать поэтические черты и оказываться субъектом-маской – в определенной связи с соответствующими стихотворными текстами, которую необходимо учитывать и осмыслять. Ни принципиальный отказ от связи форм поэтического субъекта с автором, ни простое отождествление с ним не могут полностью исчерпать ситуацию в современной поэзии. Решение этих вопросов – проблема уже не чистой теории, а методологии как развития инструментария для описания имеющихся в поэзии разнообразных форм. Сегодня сам автор может проявлять себя в модусе фиктивного, и в то же время он сам представляет субъекта в своей поэзии посредством чтения или перформативной инсценировки, т.е., таким образом, реализует себя в нем. Следует распознавать способы различения и описания как субъектности в самом поэтическом тексте, так и ее сложных взаимодействий с другими формами выявления субъектности автора.

Материалы данной книги подтверждают тот факт, что «романтический» субъект лирики, призванный прежде всего выразить чувства и мысли и отраженный в «лирическом я», практически ушел из серьезной, эстетически взыскательной и в этом смысле «профессиональной» поэзии. Субъект стал проблемной категорией, но одновременно и категорией особенно продуктивной. Развивается множество форм субъектности, для описания которых традиционное литературоведение, а также языкознание не предоставляют достаточно развитого и тонкого инструментария анализа.

Современный поэтический субъект не в последнюю очередь является наследием экспериментов с субъектными формами XX века, особенно модернистской и авангардной традиций, а также поэзии андеграунда советского времени. Полагание субъекта складывается из взаимодействия разнородных и часто противоречивых факторов, а различия между отдельными уровнями текста, на которых субъект в той или иной форме находит свое выражение, приводят к тому, что он функционирует в нем как сложный многоуровневый элемент. Даже в случаях с формально отсутствующим субъектом можно говорить не столько о его полном нивелировании, сколько о новых неочевидных формах его проявления; даже в поэтическом коллаже голосов, лишенных Я, или в полифонических фрагментах, в которых невозможно соотнести высказывание с определенной субъектной позицией, субъект присутствует как комбинаторная и особым образом упорядочивающая инстанция; даже высказывание от первого лица, занимая видную позицию в современной поэзии, – скорее одна из форм преодоления и переосмысления «лирического я» классического типа. Содержательный и структурный планы многих современных поэтических текстов при помощи размыкания границ между Я и миром, телом, человечеством и метафизическими пространствами обнажают различные приемы преодоления этого Я, замкнутого в самом себе, а также создают формы текучести, гибкости и протеической трансформативности субъектности.

Общую парадигму этих разнообразных форм можно назвать «транс-субъектностью»⁶⁸ (относительно форм перехода), «метасубъектностью» (в отношении к осознанно построенной субъектности) или «сверхсубъектностью» (представленной скрытыми формами, превосходящими обычное самосознание и его выражение), так как эти формы основаны на осознании и вместе с тем преодолении заключенного в себе, декартовского субъекта. Преодоление его границ не обязательно означает потерю автономности и индивидуальности – примеры показывают, что может иметь место как раз

⁶⁸ Ср. у Кукулина: «Я уже предлагал заменить термин „новый эпос“ словосочетанием „поэзия драматического кенозиса“ [Кукулин 2008; *ред.*], хотя и понимаю, что оно звучит менее выразительно и более громоздко. Можно назвать эту тенденцию и транс-субъективной поэзией, то есть поэзией, связывающей разные „я“, разные типы субъекта» (Кукулин 2010).

обратное. Новый субъект может как быть ослабленным, так и выступать сильным, однако сильным в отличных от коренящихся в самосознании формах централизованного субъекта. Поэтому мы предпочитаем говорить не о субъекте, а о субъектности: современная поэзия перешла, по крайней мере во многих ее сегментах, от субъекта к формам субъектности.

Книга призвана дать толчок обновлению теории и методологии изучения лирики, поэзии и субъектности в них, а также в художественных произведениях вообще. Плодотворна в этом плане работа именно с современной поэзией, представляющей собой вызов для проверки и дальнейшего развития филологических методов и теорий. Взаимодействие литературоведческой практики с лингвистическими, когнитивными теориями, с теорией лирики, а также с философскими концепциями делает возможным многосторонний подход к сложным феноменам современной поэзии.

Литература

- Азарова, Н. (2012): Критерий «адресат» в установлении границ поэтического дискурса. // Арутюнова, Н. (сост.): Логический анализ языка. Адресация дискурса. М. 225-233.
- Бобров, А. (1989): Лирический субъект и характерные процессы в лирике 80-х годов. М.
- Вестстейн, В. (1993): Лирический герой как прием // *RussianLiterature*. 34 (1), 1993. 95-108.
- Голышко-Вольфсон, Д. (2012): Прикладная социальная поэзия: изобретения политического субъекта // *Транслит*. 10/11, 2012. 180-182.
- Давыдов, Д. (2017): Концепция литературной группы в эпоху ее невозможности // *Toronto Slavic Quarterly* 61, 2017. <http://sites.utoronto.ca/tsq/61/Davydov61.pdf> (07/08/2018).
- Долар, М. (2012): По ту сторону интерпретации // *Неприкосновенный запас*. 85, 2012. 33-54.
- Евграфкина, Е. (2014): Немецко-российская конференция «Поэзия на переломе: основные тенденции поэзии после 1989 года в России и Германии» // *Новое литературное обозрение*. 1 (125), 2014. 403-411. <http://magazines.russ.ru/nlo/2014/125/45e-pr.html> (02/08/2018).
- Житенев, А. (2008): Лирический субъект новейшей русской поэзии: возможные аспекты анализа // *Филологические этюды: Сб. науч. статей молодых ученых*. 11 (1-2), 2008. Саратов. 113-117.
- Зотеев, А. (2011): Лирический герой Елены Шварц и его трансформации в переводах на английский язык. Самара.
- Ковтунова, И. (2006): Категория лица в языке поэзии // *Красильникова, Е. (сост.): Поэтическая грамматика*. Т. 1. М. 7-72.
- Корчагин, К. (2012): Революция маски: о поэтике и политике Кирилла Медведева // *OpenSpace.ru*. <http://os.colta.ru/literature/events/details/35834/> (02/08/2018).
- Корчагин, К. (2013): «Маска сдирается вместе с кожей»: способы конструирования субъекта в политической поэзии 2010-х гг. // *Новое литературное обозрение*. 124, 2013. <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/124/17k.html> (02/08/2018).

- Кузьмин, Д. (2001): Постконцептуализм (Как бы наброски к монографии) // Новое литературное обозрение. 50, 2001. 459-476.
- Кукулин, И. (2008): От Сваровского к Жуковскому и обратно: О том, как метод исследования конструирует литературный канон // Новое литературное обозрение. 89. <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/89/ku16.html> (06/08/2018).
- Кукулин, И. (2010): Маятник одиночества: предварительные замечания о конструировании понятия «русская неподцензурная поэзия» // Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании: Сб. науч. статей. Вып. 9: В 2 тт. Т. 1. М. 242-252.
- Майофис, М. (2003): «Не ослабевайте упражняться в мягкосердии»: Заметки о политической субъективности в современной русской поэзии // Новое литературное обозрение. 62, 2003. 323-339.
- Мансков, С. (1999): Поэтический мир А. А. Тарковского: лирический субъект; категориальность; диалог сознаний. Барнаул.
- Мегрелишвили, К. (2013): Ольга Седакова: «Чувство насущной необходимости русского Целана». Перевод как опыт расширения сознания // Шталь, Х. / Рутц, М. (сост.): Имидж, диалог, эксперимент: поля современной русской поэзии. Мюнхен. 451-461.
- Нурмухамедова, Р. (2008): Лирический субъект в поэзии Тимура Кибирова. М.
- Романов, И. (2004): Лирический герой поэзии И. Бродского. М.
- Рутц, М. (2013): «Каноны» современной русской поэзии. Наблюдения и перспективы // Шталь, Х. / Рутц, М. (сост.): Имидж, диалог, эксперимент: поля современной русской поэзии. Мюнхен. 37-58.
- Сильман, Т. (1977): Заметки о лирике. Л.
- Соколова, Д. (2006): Лирический субъект и персонажи в стихотворениях Н.С. Гумилева. М.
- Сучкова, Н. (2005): Лирический герой. М.
- Фатеева, Н. (2009): Особенности языковой организации современных стихотворных текстов рубежа XX–XXI вв. // Менгель, С. / Фатеева, Н. (сост.): Динамика формы художественного текста: стих, проза, драма в конце XX – начале XXI века. Halle / Saale. 23-118.
- Фатеева, Н. (2013): Грамматические девиации в глагольной сфере как основа обратимости ролей в лирической коммуникации // Плунгян, В. / Шестакова, Л. (сост.): Корпусный анализ русского стиха: Сборник научных статей. М. 142-157.
- Шталь, Х. (2013): «Поминальная свеча» Елены Шварц – поэтика трансцендентирования // Шталь, Х. / Рутц, М. (сост.): Имидж, диалог, эксперимент: поля современной русской поэзии. Мюнхен. 435-449.
- Шталь, Х. / Рутц, М. (2013): Имидж, диалог, эксперимент: поля современной русской поэзии // Шталь, Х. / Рутц, М. (сост.): Имидж, диалог, эксперимент: поля современной русской поэзии. Мюнхен. 3-34.
- Шталь, Х. / Рутц, М. (сост., 2013): Имидж, диалог, эксперимент: поля современной русской поэзии. Мюнхен.
- Шталь, Х. (2016): Опыт философского обоснования мета-теории поэтического субъекта: современное прочтение Генриха Барта // Азарова, Н. / Бочавер, С. (ред./сост.): Поэтический и философский дискурсы: история взаимодействия и современное состояние. М. 162-181.

- Штраус, А. (2005): Лирический герой (теоретический термин в современной поэтической практике) // Филолог. 6, 2005.
http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_6_122 (02/08/2018).
- Штраус, А. (2009): Проблема лирического героя в современной поэзии: новые тенденции 1990-х–2000-х годов. Екатеринбург.
- Эпштейн, М. (2000 / 2005): Постмодерн в России: литература и теория (2-ое переработанное издание: Постмодерн в русской литературе). М.
- Bernhart, W. (1993): Überlegungen zur Lyriktheorie aus erzähltheoretischer Sicht. In: Foltinek, Herbert (Hg.): Tales and „their telling difference“. Zur Theorie und Geschichte der Narrativik. Festschrift zum 70. Geburtstag von Franz K. Stanzel. Heidelberg. 359-375.
- Binder, E. et al. (2016): Einleitung. In: Binder, E. et al. (Hgg.): Lyrik transkulturell. Würzburg. 9-36.
- Block, F.W. (1999): Beobachtung des „Ich“: zum Zusammenhang von Subjektivität und Medien am Beispiel experimenteller Poesie. Bielefeld. 32-33.
- Borkowski, J. / Winko, S. (2011): Wer spricht das Gedicht? Noch einmal zum Begriff ‚lyrisches Ich‘ und zu seinen Ersetzungsvorschlägen. In: Bleumer, H. / Emmelius, C. (Hgg.): Lyrische Narrationen – narrative Lyrik. Gattungsinterferenzen in der mittelalterlichen Literatur. Berlin / New York. 43-77.
- Brehm, A. (2013): „Lyrisches Ich“. Begriff und Praxis. Bielefeld.
- Burdorf, D. (1997): Einführung in die Gedichtanalyse. Stuttgart / Weimar.
- Bürger, P. / Bürger, Ch. (2000): Das Verschwinden des Subjekts. Das Denken des Lebens. Fragmente einer Geschichte der Subjektivität. Frankfurt a.M.
- Charpa, U. (1985): Das poetische Ich – persona per quam. In: Poetica. 17, 1985. 149-169.
- Coenen-Mennemeier, B. (2004): Das lyrische Du. Funktionen und Variationen einer poetischen Sprechsituation. Frankfurt a.M. u.a.
- Culler, J. (2015): Theory of the Lyric. Cambridge.
- Easthope, A. (1983): Poetry as Discourse. London.
- Fischer, C. (2007): Der poetische Pakt. Rolle und Funktion des poetischen Ich in der Liebeslyrik bei Ovid, Petrarca, Ronsard, Shakespeare und Baudelaire. Heidelberg.
- Fricke, H. (1981): Norm und Abweichung: Eine Philosophie der Literatur. München.
- Friedrich, H. (1985): Die Struktur der modernen Lyrik. Von der Mitte des neunzehnten bis zur Mitte des zwanzigsten Jahrhunderts. Reinbek bei Hamburg.
- Grübel, R. (1987): The Personal Pragmatic Institutions of Poetic Discourse. In: Zavala, I.M. / Diaz-Diocaretz, M. / van Dijk, Th.A. (eds.): Approaches to Discourse, Poetics and Psychiatry. Amsterdam. 149-170.
- Hamburger, K. (1980): Die Logik der Dichtung (ungekürzte Auflage nach der 3. Auflage 1977). Frankfurt a.M. / Berlin / Wien.
- Han, B.-Ch. (2005): Hyperkulturalität. Berlin.
- Hegel, G.W.F. (1970): Werke in zwanzig Bänden. Bd. 15: Vorlesungen über die Ästhetik. Frankfurt a.M.
- Hempfer, K.W. (2011): Performance, Performanz und Performativität. Einige Unterscheidungen zur Ausdifferenzierung eines Theoriefeldes. In: Hempfer, K.W. / Volbers, J. (Hgg.): Theorien des Performativen. Sprache – Wissen – Praxis. Eine kritische Bestandsaufnahme. Bielefeld. 13-41.

- Hempfer, K.W. (2014): Lyrik. Skizze einer systematischen Theorie. Stuttgart.
- Horn, E. (1995): Subjektivität in der Lyrik: ‚Erlebnis und Dichtung‘, ‚lyrisches Ich‘. In: Pechlivanos, M. / Rieger, S. / Struck, W. / Weitz, M. (Hgg.): Einführung in die Literaturwissenschaft. Stuttgart / Weimar. 299-310.
- Hühn, P. (1995): Geschichte der englischen Lyrik. Bd. 1. Tübingen / Basel.
- Hühn, P. / Schönert, J. (2002): Zur narratologischen Analyse von Lyrik. In: Poetica. 34, 2002. 287-305.
- Iljassova-Morger, O. (2009): Transkulturalität als Herausforderung für die Literaturwissenschaft und Literaturdidaktik. In: Das Wort. Germanistisches Jahrbuch Russland 2009. 37-57.
- Jaegle, D. (1995): Das Subjekt im und als Gedicht: eine Theorie des lyrischen Text-Subjekts am Beispiel deutscher und englischer Gedichte des 17. Jahrhunderts. Stuttgart.
- Kemper, D. (2008): Wissensarchäologie statt Bologna-Falle. Annäherungen an die russische Germanistik als Wissenschaft. In: Kemper, D. / Bäcker, I. (Hgg.): Deutsch-russische Germanistik. Ergebnisse, Perspektiven und Desiderate der Zusammenarbeit. Moskau. 46-65.
- Killy, W. (1972): Elemente der Lyrik. München.
- Klotz, V. (2011): Verskunst. Was ist, was kann ein lyrisches Gedicht? Bielefeld.
- Korte, H. (2004a): Geschichte der deutschsprachigen Lyrik. Stuttgart.
- Korte, H. (2004b): Zurückgekehrt in den Raum der Gedichte. Deutschsprachige Lyrik der 1990er Jahre, m.e. Auswahlbibliographie. Münster.
- Krusche, D. (1993): Erinnern, Verstehen und die Rezeption kulturell distanter Texte. In: Wierlacher, A. (Hg.): Kulturthema Fremdheit. Leitbegriffe und Problemfelder kulturwissenschaftlicher Fremdeitsforschung. München. 433-449.
- Kukulin, I. (2010a): Documentalist Strategies in Contemporary Russian Poetry. In: Russian Review. 69 (Oct), 2010. 585-614.
- Kukulin, I. (2016): Zur Ungleichzeitigkeit der russischen Gegenwartsdichtung. In: Stahl, H. / Korte, H. (Hgg.): Gedichte schreiben in Zeiten der Umbrüche. Tendenzen der Lyrik seit 1989 in Russland und Deutschland. Leipzig. 93-113.
- Lamping, D. (1989): Das lyrische Gedicht. Definitionen zu Theorie und Geschichte der Gattung. Göttingen.
- Leitgeb, Ch. (2004): Zur Rhetorik deutschsprachiger Haikus. In: Sprachkunst. 35, 2004. 2. Halbband. 303-317.
- Lockemann, W. (1973): Lyrik, Epik, Dramatik oder die totgesagte Trinität. Meisenheim an der Glan.
- Lüders, E.M. (1965): Das lyrische Ich und das gezeichnete Ich. Zur späten Lyrik Gottfried Benns. In: Wirkendes Wort. 15, 1965. 361-385.
- Martínez, M. (2002): Das lyrische Ich. Verteidigung eines umstrittenen Begriffs. In: Detering, H. (Hg.): Autorschaft. Positionen und Revisionen. Stuttgart. 376-389.
- Menzel, B. (2000): Formen und Funktionen postsowjetischer Populärliteratur. In: Cheauré, E. (Hg.): Kunstmarkt und Kanonbildung. Tendenzen in der russischen Kultur heute. Berlin. 219-241.
- Menzel, B. (2001): Bürgerkrieg um Worte. Die russische Literaturkritik der Perestrojka. Wien / Köln / Weimar.
- Müller, W.G. (1979): Das lyrische Ich. Erscheinungsformen gattungseigentümlicher Autor-Subjektivität in der englischen Lyrik. Heidelberg.

- Müller, W.G. (2004): Das Problem der Subjektivität der Lyrik und die Dichtung der Dinge und Orte. In: Nünning, A. (Hg.): Literaturwissenschaftliche Theorien, Modelle und Methoden. Eine Einführung. Trier. 93-105.
- Müller, W.G. (2011): Das lyrische Ich. In: Lamping, L. (Hg.): Handbuch Lyrik. Theorie, Analyse, Geschichte. Stuttgart / Weimar. 56-58.
- Peper, J. (1972): Transzendente Struktur und lyrisches Ich. In: Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte. 46, 1972. 381-434.
- Peper, J. (1998): Das transzendente Selbstporträt der Subjektivität in der ästhetischen Einstellung, oder: Subjektivität ohne Subjekt. In: Fetz, R.L. et al. (Hgg.): Geschichte und Vorgeschichte der modernen Subjektivität: 2 Bde. Bd. 2. Berlin / New York. 1213-1248.
- Perloff, M. (1999): Language Poetry and the Lyric Subject. Ron Silman's Albany, Susan Howe's Buffalo. In: Albany, Critical Inquiry. 25 (Spring), 1999. 405-434.
<http://marjorieperloff.com/stein-duchamp-picasso/silliman-howe/> (02/08/2018).
- Pilz, D. (2007): Krisengeschöpfe. Zur Theorie und Methodologie der Objektiven Hermeneutik. Wiesbaden.
- Rutz, M. (2011): Der „Bürgerkrieg um Worte“ geht weiter. Die Rezeption und Konzeption der russischen literarischen Postmoderne in russischsprachigen Lehrbüchern zur jüngeren Literaturgeschichte und Überblicksdarstellungen. In: Frieß, N. et al. (Hgg.): Wortmeldungen aus der jungen slavistischen Literaturwissenschaft. 10. Arbeitstreffen des JFSL, Trier 26.-28.03.2010. Potsdam. 461-476.
- Rutten, E. (2012): Post-Communist Sincerity and Sorokin's „Thrilogy“. In: Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 79: Lange, B. / Weller, N. / Witte, G. (Hgg.): Die nicht mehr neuen Menschen. Russische Filme und Romane der Jahrtausendwende. München / Berlin / Wien. 27-55.
- Schiedermaier, S. (2004): „Lyrisches Ich“ und sprachliches „ich“. Literarische Funktionen der Deixis. München.
- Schlaffer, H. (2012): Geistersprache. Zweck und Mittel der Lyrik. München.
- Schönert, J. (1999): Empirischer Autor, Impliziter Autor und Lyrisches Ich. In: Jannidis, F. / Lauer, G. / Martinez, M. / Winko, S. (Hgg.): Rückkehr des Autors. Zur Erneuerung eines umstrittenen Begriffs. Tübingen. 289-294.
- Schwarz, S. (2007): Stimmen – Theorien lyrischen Sprechens. In: Geppert H.V. u.a. (Hgg.): Theorien der Literatur. Grundlagen und Perspektiven. Bd. 3. Tübingen. 91-123.
- Spinner, K.H. (1975): Zur Struktur des lyrischen Ich. Frankfurt a. M.
- Stahl, H. (2013): Interpretation als Dialog. Votum für eine strukturelle Hermeneutik. In: Coincidentia. Zeitschrift für Europäische Geistesgeschichte. Beiheft 2: Schwaetzer, H. (Hg.): Bildung und Fragendes Denken. Bernkastel-Kues. 117-137.
- Stahl, H. / Korte, H. (2016): Einleitung. In: Stahl, H. / Korte, H. (Hgg.): Gedichte schreiben in Zeiten der Umbrüche. Tendenzen der Lyrik seit 1989 in Russland und Deutschland. Leipzig. 13-49.
- Stahl, H. / Korte, H. (Hgg.): Gedichte schreiben in Zeiten der Umbrüche. Tendenzen der Lyrik seit 1989 in Russland und Deutschland. Leipzig.
- Stephens, A. (1982): Überlegungen zum lyrischen Ich. In: Elm, Th. / Hemmerich, G. (Hgg.): Zur Geschichtlichkeit der Moderne: der Begriff der literarischen Moderne in Theorie und Deutung. Ulrich Fülleborn zum 60. Geburtstag. München. 53-63.
- Stierle, K. (1979): Die Identität des Gedichts – Hölderlin als Paradigma. In: Marquard, O. / Stierle, K. (Hgg.): Identität (Poetik und Hermeneutik VIII). München. 505-552.

- Straub, J. / Renn, J. (Hgg., 2002): *Transistorische Identität. Der Prozesscharakter des modernen Selbst.* Frankfurt a.M. / New York.
- Völker, L. (1997): *Gattungsdenken im Umbruch. Zum Lyrik-Diskurs der deutschen Literaturwissenschaft nach 1945.* In: Völker, L. (Hg.): *Von Celan bis Grünbein. Zur Situation der deutschen Lyrik im ausgehenden zwanzigsten Jahrhundert.* Lille. 163-177.
- Wolf, W. (2005): *The Lyric. Problems of Definition and a Proposal for a Reconceptualization.* In: Müller-Zettelmann, E. / Rubik, M. (Hgg.): *Theory into Poetry. New Approaches to the Lyric.* Amsterdam / New York. 21-56.
- Wright, G.T. (1960): *The Poet in the Poem. The Personae of Eliot, Yeats, and Pound.* Berkeley / Los Angeles.
- Zymner, R. (2009): *Lyrik. Umriss und Begriff.* Paderborn.
- Zymner, R. (2011): *Theorien der Lyrik seit dem 18. Jahrhundert.* In: Lamping, D. (Hg.): *Handbuch Lyrik. Theorie, Analyse, Geschichte.* Stuttgart. 21-34.
- Zymner, R. (2013): *Funktionen der Lyrik.* Münster.
- Žerebin, A. (2005): *Die andere Lektüre. Ein Plädoyer für fremdkulturelle Germanistik.* In: *Das Wort. Germanistisches Jahrbuch Russland 2005.* 127-134.